

—Забрав протоколы заседаний партбюро, месткома и профсоюзного собрания, комиссия уехала. Основным результатом её работы было устное распоряжение Лобачевского об отстранении Гострема от научного руководства, которое возлагалось на "тройку": Саенко, Лаговского и меня. Иванов наделялся полномочиями заведующего, но как-то неполноценно, номинальным заведующим оставался Гострем. Перед отъездом Лобачевский собрал нас четверых и напутствовал на благие деяния. Он сообщил, что после официального снятия Гострема с должности заведующего его место займёт Иванов.

—Надо сказать, что ещё до приезда комиссии среди "заговорщиков" обсуждался вопрос: "Кто вместо Гострема?", и когда я разговаривал с Лобачевским в ИЗМИРАНе, жалуясь на наши беды, он сказал мне: "Подумайте, кого ставить вместо Гострема". Возможны были два варианта: 1) приглашать себе руководителя со стороны и 2) выдвигать из своей среды. От первого варианта мы сразу же отказались. Конкретной кандидатуры не было, искать - это время, да и трудно было бы кому-либо из чужих достаточно быстро разобраться во всей обсерваторско-университетской каше из договоров, которую заварил Гострем. А до сдачи "Каштана" оставалось меньше года, и тратить время на оргперестройку с посторонним человеком, который неизбежно внесёт новые веяния, было опасно для выполнения основной темы.

—Но тогда кто из нас, руководителей участков темы, должен встать во главе обсерватории?

—Ответственный за ИДК Саенко, уже неоднократно исполнявший обязанности заведующего в периоды частых отлучек Гострема?

—Подчинённый ему по теме Иванов, возглавлявший парторганизацию и направивший борьбу с Гостремом в "правильное", официально приемлемое русло?

—Ответственный за автоматизацию коммунист Лаговский, главный наш "добывальщик", запросто входящий в кабинеты на любых уровнях?

—Или я - ответственный "за модел, так сказать", единственный остепенённый, но с тёмными пятнами в биографии и не имеющий допуска к секретным делам и документам?

—На место Гострема никто из нас не рвался, все понимали, что место это хлопотное, много времени придётся отрывать от науки, а именно в науке каждый видел главные свои перспективы, даже и Лаговский, наименее к науке причастный. На нашем "внутреннем" обсуждении Саенко предлагал в завы меня или Иванова, Лаговский то же самое, Иванов - Саенко или меня, я - Саенко или Иванова, так что по три голоса собрали мы с Ивановым. Порешили мы, что Иванов является наиболее подходящей кандидатурой, у меня шансы малы из-за неблагонадёжности. Но никто из комиссии нашего мнения на этот счёт не спрашивал. Лобачевский сам определил Иванова как наиболее подходящего кандидата.

—Таким образом начался период междувластия или власти четырёх, не считая пятого - Гострема, который продолжал числиться заведующим. Ещё обсуждая варианты кандидатур на его место, мы договорились, что в любом случае, кого бы из нас не поставили начальником, мы будем вести все дела коллегиально посредством еженедельных производственных совещаний. Первое такое совещание состоялось 17 февраля. На нём был разработан план мероприятий, которые необходимо было срочно осуществить, с указанием сроков и ответственных за исполнение.

—Важнейшим пунктом этого плана был вопрос о месте и сроке установки ЭВМ. Лаговскому было поручено выяснить ситуацию на машзаводе, и, когда он откровенно признался там, что ЭВМ требуется нам для работы в оперативном круглосуточном режиме, что скрывал Гострем, руководство машзавода тут же дало нам от ворот поворот, как и следовало ожидать, - чего же, мол, вы тут нам голову морочили?! Ничего не оставалось делать, кроме как устанавливать машину там, где с самого начала было реальнее всего её установить, - в Ульяновке, рядом с датчиками. Приходилось пока смириться с вредными для работы ЭВМ факторами - скачками напряжения в

ладушкинской электросети и работой по соседству с ЭВМ передатчика АИСа, создающего сильные помехи. Главной задачей сейчас стала подготовка помещения для установки машины.

— Было решено перестроить под машинный зал всё второе здание обсерватории, расположенное ближе к берегу залива. Это означало - сломать перегородки между комнатами, сделать фальшполы и фальшпотолки, оборудовать кондиционирование воздуха, экранировать зал от внешних электромагнитных полей. Рассчитывать в этом деле на слабую бригаду ладушкинских строителей, сплошь алкоголиков, не приходилось: уже имелся опыт ведения ремонтных работ их силами, и Иванов предложил всё сделать самим, по способу стройотрядов, руководить которыми ему приходилось в студенческие времена.

— И работы начались. Вся команда Лаговского, набранная для обслуживания ЭВМ, работала исключительно на стройке. Вместе с ними трудились рядовые "хоззвода" обсерватории, которым была выбита в ИЗМИРАНе доплата за эти работы, что существенно укрепило авторитет нового руководства обсерватории. Ведь до этого была целая проблема - заставить работать Короля или Каратеева сверх того, что полагалось им по должностной инструкции для слесаря-сантехника и дизелиста, каковыми они числились. Уж как мы ни взывали к их совести - мол, ну нет же у вас загрузки, бездельничаете целыми днями! - у них один ответ: - За такие зарплаты, как у нас, сами работайте. Мы вообще тут у вас в обсерватории из-за сена только и держимся (сено косили прямо на территории обсерватории). А за оплату мы вам всё что угодно сделаем.

— И, действительно, руки у них были золотые - всё потом делали! Обязанности прораба выполнял сам Иванов, умело работавший любым инструментом. В нечастых авральных случаях привлекались и остальные сотрудники обсерватории, разумеется, добровольно. К концу лета машинный зал был готов, и ЭВМ, наконец, установлена. Но я забежал вперёд. До лета было ещё много событий.

— После отъезда комиссии, между прочим, Гострем поначалу повёл себя как ни в чём не бывало, отдавал какие-то мелкие распоряжения по обсерватории, их выполняли. В дела темы он не лез. Правда, пытался проникнуть на машзавод после того, как Лаговский разъяснил там ситуацию с машиной, но его туда просто не пустили - на проходную из дирекции было отдано указание: такого-то профессора Гострема на территорию не пускать, чтобы он там ни говорил!

— Зато в университете Гострем оставался полноправным властелином на своей кафедре и в ЛПФ. Из университетской половины нашего смешанного коллектива в борьбе с Гостремом в эти дни практически никто не участвовал. На стороне Гострема оказались Никитин, Лещенко и Пахотин, считавший, что мы перегибаем палку, что Гострема надо перевоспитывать, а не изгонять, остальные были либо ни так, ни сяк, либо втайне сочувствовали нам, но помалкивали. Среди последних были, увы! и все мои университетские коллеги по ионосферному моделированию - Костя Латышев, Лёня Захаров и три Володи - Суроткин, Смертин и Клименко.

— Костя оправдывался:

— Вам хорошо, у вас Лобачевский есть, а у нас ректор Гострема поддерживает. Я, Саня, конечно, на сторону Гострема против тебя никогда не стану, но бороться с ним открыто сейчас не могу и не буду. Сам понимаешь - диссертация! Может навредить, гад, а я рисковать не хочу, ведь у меня уже второй заход.

— Я понимал его и не осуждал. Каждому своё. Остальные же почему-то считали себя мелкими сошками, которых никто и слушать-то не будет. Так что в университете Гострем оставался на коне и не видно было возможностей что-либо изменить там.

(продолжение следует)